

ДЖОНАТАН СВИФТ И ЕГО «ПУТЕШЕСТВИЕ ГУЛЛИВЕРА»

Происхождение, образование, карьера Джонатана Свифта (1667—1745) были тесно связаны с духовным саном. Предки писателя на протяжении многих поколений были англиканскими священниками. Сам Свифт окончил в родном городе — Дублине (Ирландия) — богословский факультет Тринити-Колледжа и всю жизнь мечтал получить высокую духовную должность. Однако мечты эти исполнялись нелегко.

Очень важным для Свифта было десятилетие 1689—1699, проведенное в поместье лорда Уильяма Темпла, политического деятеля в отставке, прекрасно знавшего античный мир. Юноша исполнял обязанности его секретаря. В это же время он был рукоположен и стал сельским священником. Общение с Темплом не только обогатило Свифта знаниями об античности, но и разожгло в скромном бакалавре богословия жажду литературного творчества и политическое честолюбие.

В последние десять лет XVII в. в государственной жизни Англии произошли важные изменения. После разнузданного правления королей Карла II и Якова II, которое сменило диктатуру Оливера Кромвеля (Реставрация Стюартов), политический истеблишмент страны решил отдать предпочтение королю, который, воплощая собой нерушимые принципы английской монархии, вместе с тем не вмешивался бы в дела молодой буржуазии. Это был Вильгельм Оранский, штатгальтер (соправитель) в Нидерландах, который приступил к правлению в самом конце 1688 г. под именем Вильгельма III. Новый король был протестантом, поклонником суровой морали и не знал английского языка. Страх перед католиками Стюартами был настолько велик, что парламент принял специальный закон, в соответствии с которым власть далее должна была

перейти к представителю Ганноверской династии. Спустя некоторое время (после смерти наследницы Вильгельма Анны) таким королем стал Георг I из династии Ганноверских курфюрстов. Он был немцем, протестантом и тоже не знал английского языка.

В это время ведущую роль в политической жизни страны начинают играть *тори* и *виги*. Выдвижение в государственной жизни двух партий в качестве основных политических сил свидетельствовало о том, что после бурных времен Кромвеля и Стюартов между дворянами и буржуазией установилось, наконец, определенное равновесие. Новые короли не мешали партиям распылять свои силы в мелочной полемике и плести подковерные интриги друг против друга. Историки утверждают, что английская политика в это время была в немалой степени публичной. Партии привлекали для своих нужд писателей и журналистов, что привело к невиданному расцвету журналистики. Литературная работа для партий хорошо оплачивалась.

Начиная с 1700-х годов Свифт подолгу живет в Лондоне, втянутый в водоворот политической борьбы. Следует сказать не столько о политических взглядах, сколько о предпочтениях Свифта, обусловленных личными склонностями, карьерой и болезненным самолюбием. «Я написал 91 памфлет при трех правлениях для 36 фракций», — скажет он в возрасте 30 лет. Будучи тесно связанным семейными узами с вигами, Свифт выступил сначала на стороне этой партии. Когда же в 1701 году верх взяли тори, он перешел на их сторону. Писатель сближается с вождями тори, в частности с виконтом Болинброком.

Именно тогда Свифт становится признанным «министром без портфеля», негласным советником министерства тори. В это время шла изнурительная для Англии война с Францией за «испанское наследство». Он обрушивается на вигов, сторонников войны, в своих памфлетах («Поведение союзников и бывшего министерства в настоящей войне» и др.). Когда в 1713 году война закончилась Утрехтским миром, многие связывали это с заслугами Свифта-памфлетиста и называли мир «свифтовским».

Свифт надеется получить от королевы Анны давно желанную награду — высокий духовный сан, но ему достается более скром-

ная должность декана (наставника) собора Святого Патрика в Дублине, куда он должен был отправиться, сильно разочарованный и раздраженный.

Некоторое время спустя королева умирает, на трон восходит Георг I. Болинброк бежит в католическую Францию. Власть переходит к вигам, главой нового кабинета становится Роберт Уолпол. И хотя Свифт обижен дублинским назначением, теперь скромная должность вдалеке от столицы служит ему надежной защитой. Более того, тут он пишет серию памфлетов против нового правительства в защиту прав ирландского народа («Письма суконщика» и др.). Тут рождается главное произведение сатирика — «Путешествие Гулливера», выразившее всю гамму чувств, терзавших дублинского изгнанника: от желчного гнева на свою судьбу в первой части до полного разочарования в человеке как таковом в последней. Характер у Свифта был деятельный, честолюбивый, ироничный. Он прекрасно осознавал свою исключительную интеллектуальную одаренность. Рано потеряв родителей, он находил единственное утешение в чтении книг, что и помогло ему развить умственные способности. Еще студентом он мог восемь часов подряд, не отрываясь, просидеть над книгой. Обладал поразительной памятью и тонким чувством юмора, которое позднее не стеснялся использовать против знаменитых лиц (среди его жертв оказался и Д. Дефо, автор «Робинзона Крузо»).

С юношеских лет Свифт стремился к политике. Политическую жизнь Англии того времени можно охарактеризовать как беспрестанное столкновение честолюбивых стремлений и личных амбиций. Она затянула в свои сети и измельчила острый практический ум Свифта, отравила его мировоззрение скепсисом, но тем самым подготовила почву для яркой сатиры, благодаря которой он навсегда вошел в историю мировой литературы.

Деятельное настроение часто сменялось черной меланхолией, и тогда Свифт воспринимал свою жизнь как несчастную и неудавшуюся. В письме к виконту Болинброку он вспоминал, как еще в детстве поймал большую рыбину, но когда вытягивал ее на берег, она сорвалась с крючка. «Это был прообраз всех моих последующих разочарований», — резюмировал писатель. У. Теккерей расска-

зывает о Свифте как о неудачнике в большой политике и тоже пользуется красноречивым образом (имея в виду события после Утрехтского мира): «Карета с митрой и епископским посохом, которые он желает получить, задержалась по дороге от Сент-Джеймского дворца¹. Он ждет до поздней ночи. Вдруг появляются гонцы и сообщают, что карета поехала другим путем. Он с проклятиями разряжает пистолеты в воздух и уходит прочь».

Особенно полно и ярко Свифт как человек раскрылся в «Дневнике Стеллы» (1710—1713), содержание которого составляют его письма к любимой Эстер Джонсон. Он старше ее на 14 лет. Эстер была его единственной сердечной привязанностью с той поры, когда он впервые познакомился с нею, восьмилетней дочерью экономки Темпла, будучи секретарем лорда. Ее смерть в 1728 году была для него сильным ударом и пошатнула его здоровье. Всё чаще писатель испытывал приступы сильной головной боли, вызвавшие тяжелое душевное заболевание. Свифт предчувствовал свою смерть. Однажды, гуляя по парку вместе с поэтом Эдвардом Юнгом, он показал ему вяз с засохшей верхушкой и сказал: «Вот так и я начну умирать — с головы». С 1742 года он был уже полностью не-вменяем.

Свифт похоронен благодарными ирландцами как национальный герой в соборе, деканом которого он был 32 года. Рядом с ним покоится Эстер Джонсон. На плите выбита эпитафия на латыни, составленная им самим: «Здесь покоится тело Джонатана Свифта, декана этого собора, и жестокое негодование уже не гложет его сердце. Иди, путник, и, если можешь, следуй примеру ревностного защитника доблестной свободы».

* * *

Почетное место в мировой литературе Свифт занял благодаря книге «Путешествие в разные отдаленные страны мира Лемюэля Гулливера, сначала хирурга, а потом капитана нескольких кораблей».

¹ Сент-Джеймский дворец — сооруженный в Лондоне Генрихом VIII дворец; во времена Свифта — официальная резиденция английских королей (с 1698 года).

Замысел произведения родился в кружке лондонских остроумцев, которые придумывали юмористические истории от имени ограниченного ученого-педанта Мартина Скриблеруса (то есть «писаки»). В кружок, образовавшийся в 1713 — 1714 гг., кроме Свифта входили также личный врач королевы Анны Джон Арбетнот, популярный поэт, переводчик Гомера и редактор пьес Шекспира Александр Поуп и автор «Оперы нищих» («Beggars' Opera») Джон Хэй. Подчеркнуто бытовые рассказы содержали скрытые политические намеки, которые прекрасно распознавали соотечественники. Часто пародировались официальные документы, индивидуальная речь политиков. «Скриблерусы» пользовались «говорящими» именами. Так, Англия фигурировала под именем Джона Буля («бык», второе значение жаргонное: «абсурд», «ерунда»), а Франция — Луи Бабуна (от «Бурбон»)¹. Свифт придумал описание путешествий этого персонажа в дальние страны. Именно они стали импульсом для создания главного сатирического шедевра. И хотя Свифт издал свое произведение анонимно, стиль Скриблеруса четко указывал на автора.

Свифт позаимствовал сюжетно-жанровую основу авантюрно-морского романа. К языку географических отчетов публика привыкла благодаря журналам Джозефа Аддисона и Ричарда Стила — «Болтун», «Зритель», «Опекун» и др. Мир фантастических образов тоже не казался таким уж непривычным благодаря романам Сирано де Бержерака, очень популярным («Иной мир, или Империи Луны», 1650, и «Комическая история государств и империй Солнца», 1662). Популярной была и «Правдивая история» античного автора Лукиана. Наконец, важным литературным первоисточником стала книга Ф. Рабле «Гаргантюа и Пантагрюэль». Восприимчивость читателя ко всему необычному подогревалась разными рассказами в связи с колониальными путешествиями англичан. Возможно, Свифта вдохновлял и пример политического изгнанника Данте Алигьери, который населил вымышленный мир «Божественной комедии» почти без исключения реальными личностями.

¹ См.: *Англия в памфлете: Англ. публицистич. проза начала XVIII века* / сост., авт. предисл. и коммент. И. О. Шайтанов. — М.: Прогресс, 1987.

ми — своими историческими современниками — и связал весь замысел с политической жизнью Италии.

Произведение Свифта занимает значительное место в контексте эпохи Просвещения. Для понимания произведения важна фигура рассказчика и главного героя — Гулливера. Он — воплощение просветительского разума, который проповедовали в конце XVII — начале XVIII в. Т. Гоббс, П. Гассенди, Дж. Локк, И. Ньютон, П. Бейль, Ш. Монтескье. Свифт стремится пробудить в читателе чувство внутреннего протеста по отношению к тем обстоятельствам, которые существуют как обычные и узаконенные общественным мнением, но на самом деле не должны быть таковыми.

«Путешествие Гулливера» состоит из четырех частей, где изображаются путешествия героя в Лилипутию (I), страну великанов Бробдингнейг (II), страну с летающим островом Лапуту (III) и в страну разумных лошадей-гуинггмов (IV). Повторное издание книги 1727 г. содержало послесловие, в котором автор без колебаний отождествлял читателей, а среди них коронованных и вельможных особ, со звероподобными еху. Подчеркивая сатирическую направленность произведения, Свифт мрачно признавал, что «еху представляют вид животных, абсолютно не поддающихся исправлению путем поучений и примеров», что сводит на нет все его усилия.

Первая часть («Путешествие в Лилипутию») наиболее насыщена конкретными политическими аллюзиями и отражает биографию самого автора. Свифт изображает тут парламентскую монархию, имея в виду Англию. Мелочность государственной жизни, бессмысленность политической возни и бездарность политиков он подчеркнул размерами жителей страны. Величие императора подчеркивается тем, что он «на ноготь» выше остальных. Виги и тори представлены как партии, которые отличаются обувью на высоких и низких каблуках. Наследник престола, чтобы не ссориться с партиями, вынужден был надевать на каждую ногу разную обувь, поэтому при ходьбе его величество прихрамывает (речь идет о принце Уэльском Георге II). Борьба разных религиозных конфессий — англиканцев и пуритан или католиков и протестантов — показана в виде теоретических споров лилипутов о том,

с какого конца следует разбивать яйцо. Поклонники тупого конца нашли себе убежище в соседнем государстве Блефуску (то есть во Франции), что враждовала с Лилипутией. Отобразил Свифт и свое участие в подписании Утрехтского мира. Гулливер похищает флот Блефуску и помогает лилипутам одержать серьезную победу на море (в результате мира Англия получила полное преимущество на море и начала вытеснять французских колонистов из их владений в Северной Америке). Однако вскоре после этого, помогая тушить пожар, охвативший королевский дворец, Гулливер допускает трагикомическую ошибку в отношении покоев королевы. За это королева лилипутов требует жестокого наказания, забыв о его военной помощи: его должны убить. Гулливер спасается бегством в Блефуску, откуда возвращается домой, в Англию. Смысл эпизода в том, что Свифт в то время считал свое назначение в Дублин не просто проявлением неблагодарности королевы Анны, которая не захотела по достоинству оценить политическую услугу Свифта; он воспринял это как крах своей карьеры и политическую смерть. Комментаторы произведения предлагают самые разные интерпретации этого места. Так, под Гулливером подразумевают виконта Болинброка, спасшегося от гнева вигов во Франции. Читая протокол обыска Гулливера, современники угадывали деятельность Роберта Уолпола, всемогущего первого министра в новом торийском правительстве, который возглавлял сыскную службу. В обвинительном акте против Гулливера узнавался стиль обвинительных документов против Болинброка после смены правительства.

Во второй части Гулливер попадает к великанам в государство Бробдингег. Это цветущая аграрная держава. В отличие от лилипутов, ее жители миролюбивы, великодушны, мирные труженики. Между королем и подданными существуют патриархально простые, доверительные отношения. Король мудр и справедлив, ему чужды интриги, методы его правления гуманны. Он «всё искусство управления ограничивает самыми тесными рамками и требует для него только здравого смысла, разумности, справедливости, кротости, быстрого решения уголовных и гражданских дел». Своими многими чертами он напоминает «короля-философа» Пантагрюэля

из книги Ф. Рабле, который предвосхитил идеи «просвещенного абсолютизма».

С доказательствами благополучия страны Гулливер сталкивается на каждом шагу, иногда они представлены по-раблезиански бурлескно. Так, едва попав на остров, Гулливер спотыкается о стебли пшеницы, словно о лесной бурелом. В него бросают орехом, как бомбой, заваливают кучей яблок, затапливают в пустую кость, он тонет в чашке с молоком и т. д.

Заставляют нас вспомнить Рабле и описания других рискованных ситуаций, в которые попадает Гулливер: ребенок засовывает его в рот, обезьяна кормит его насильно, словно свое дитя, собака хватается его пастью. Молодые дамы забавляются им, словно живой игрушкой, не считаясь с его естественным чувством стыдливости. Почти на каждой странице произведения мы находим по-раблезиански гротескное обыгрывание жизни тела, реалий предметного мира.

Но не только патриархальная идиллия присуща этой части. Свифт выражает свое скептическое отношение к человеку как таковому. В отличие от взглядов Спинозы, Дж. Локка, философов-просветителей о совершенстве человеческой природы, он показывает относительность, а следовательно, и ничтожность всех физических и умственных качеств человека. Гордясь собой и достижениями своей нации, демонстрирует Гулливер перед великанами свои знания, способности, физическую ловкость. Он выполняет военные упражнения с тростинкой, управляет игрушечной лодкой в корыте с водой, перепрыгивает через коровьи лепешки, смело бросается в бой с жабой и осами. Житель земли великого Генделя, он с помощью хитроумного приспособления пытается продемонстрировать перед королем музыку своей цивилизации. Но все его потуги вызывают лишь снисходительную усмешку. Великаны воспринимают «венец творения» как «зверька», который ловко «подражает всем действиям человека». В семье фермера самого образованного представителя европейской культуры показывают зрителям за деньги.

Когда же Гулливер во время откровенного разговора рассказывает королю про обычаи и права англичан, о политических и рели-

гиозных партиях и конфессиях, о судопроизводстве, денежной и кредитной системе, об азартных играх, войнах и т. п., то вызывает лишь удивление и возмущение короля — такими ничтожными и злобными представляются ему европейцы, которые считают себя основателями высокой цивилизации. Ученые Бробдингнега отказывают Гулливеру как представителю рода человеческого в каких-либо моральных достоинствах и объявляют, что он «не мог появиться на свет согласно нормальным законам природы».

В центре третьей части — описание государства Лапуты, королевский двор которого находится на летающем острове. Его политическое устройство напоминает авторитарную бюрократическую державу с полицейскими порядками. Этот остров, управляемый с помощью магнитов, свободно передвигается над страной, и все жители пребывают под надзором правительства. За непослушание так же легко и наказывают: остров может закрыть от бунтарей солнце или дождь, а в крайнем случае раздавить их своим весом. Общение правительства и подданных осуществляется «бюрократически»: король опускает с острова на веревочках свои указы и тем же путем поднимает вверх просьбы, жалобы и петиции от народа.

В отличие от «просвещенного абсолютизма» в предыдущей части, тут Свифт рассматривает аналогичный вариант с прямо противоположными выводами: ничто не может быть более губительным для народа, чем государство, во главе которого стоят ученые. Сами ученые — математики — изображены полностью отчужденными от всего земного. Всё их внимание сосредоточено на наблюдении за кометами, которые, как они считают, влияют на остров. Увлеченные абстрактными теориями, они пренебрежительно относятся к практическим задачам, из-за чего их дома кривобоки, одежда не соответствует фигуре и т. п. Доказано, что гротескное изображение математиков — это критика в адрес знаменитого ученого Исаака Ньютона. Свифт имел основание не любить Ньютона в связи с предложениями ученого по чеканке денег, предназначенных для Ирландии. Как доказывал Свифт в «Письмах суконщика», новая монета, если бы ее ввели в оборот, привела бы к разрушению экономики Ирландии.

Особенно едкой становится сатира Свифта, когда он описывает Академию прожекторов в Лагадо (ученое Королевское сообщество в Англии). Ученые разрабатывают проекты, которые невозможно воплотить в жизнь: они хотят получить солнечный свет из огурцов, порох из льда, питательные вещества из человеческих экскрементов, крепкую ткань из паутины, лечить больного с помощью кузнечных мехов. «Интересны» и лингвистические изобретения: один предлагает в разговоре вместо обычных слов использовать предметы, которые нужно вынимать из мешка и показывать собеседнику. Второй изобрел способ написания литературных произведений путем случайных комбинаций слов, для этого используется специальная машина. Третий предлагает изучать математику путем глотания облаток исписанных теоремами, и т. п.

Гулливер узнает, что от политических споров можно избавиться, если отпилить спорщикам затылки, а потом поменять их местами. Подробно рассказывается о способе расшифровки тайных записей, направленных против государства. Самые распространенные слова, оказывается, несут опасный смысл. Так, стая гусей, по этому способу, означает сенат, чума — постоянную армию, ястреб — первого министра, ночной горшок — комитет вельмож, решето — фрейлину, метла — революцию, мышеловка — государственную службу, свалка — придворное общество и т. п. При помощи этого «гlossария» можно обвинить кого угодно в чем угодно.

На острове Глабдадриб Гулливер знакомится с тенями великих исторических деятелей прошлого. Перед ним проходят Александр Великий, Ганнибал, Цезарь и Помпей. Гомер и Аристотель появляются в окружении своих многочисленных комментаторов. Он видит знаменитых королей следующих эпох. Гулливер убеждается, что все большие богатства были собраны в результате грабежей и преступлений (тут начинается спор с автором «Робинзона Крузо» о происхождении частной собственности), а родословная многих представителей высшего общества ведет начало от пиратов, разбойников, преступников.

В стране Лаггнегг, куда он прибывает после Лапуты, Гулливер видит струльдбругов — людей, которые не могут умереть. Снача-

ла он в восторге: как много может осуществить человек за свою бессмертную жизнь! Но оказывается, что природа и тут бросает на произвол судьбы свое лучшее создание: достигая определенного возраста, струльдбруги впадают в старческую немощь, которая продолжается вечно. Общество отворачивается от своих граждан, которые влачат жалкое существование, выступая вечным укором природе и... обществу!

В четвертой части изображено государство разумных лошадей — гуингнмов. Когда-то, вследствие несчастливых обстоятельств, на острове оказалась семейная пара, потомки которой так одичали, что лишь внешним видом и отвратительными привычками напоминали людей. Потомки же лошадей, наоборот, превратились в разумных существ и со временем подчинили себе людей, назвав их «еху».

Свифт по-своему рассматривает важную для просветителей идею «естественного человека». Сама по себе природа настолько гармонична и разумна, что может передать разумность даже животным. Одновременно цивилизация оказывает такое пагубное влияние на человека, что избавиться от него иногда невозможно. Потомки людей унаследовали от цивилизации и развили в себе тут, на острове, такие негативные черты, как жестокость, подлость, лживость, воинственность, склонность к грубым развлечениям и наслаждениям, жадность золота. Недаром правитель лошадей, выслушав рассказ Гулливера об Англии, отмечает подобность между англичанами и еху.

Но и жизнь разумных лошадей, которым, на первый взгляд, симпатизирует рассказчик, не во всем идеальна. Их общественный строй основывается на монотонно рациональных принципах и напоминает уравнилельный социализм. С одной стороны, они обеспечены жильем и пищей, у них суровая дисциплина и порядок, во всем они придерживаются равенства, преобладает коллективизм и взаимопомощь, они не воюют, моральный уровень жизни характеризуется уже тем, что в их лексиконе нет слов для таких понятий, как война, ложь, гнев, наказание, власть и т. п. Но одновременно с этим коллективный порядок нивелирует в их жизни все индивидуально-неповторимое, их чувства имеют лишь общий характер:

доброжелательность, вежливость, кротость... Им незнакомы личностные, индивидуальные переживания. Они сдержанны в выражении эмоций, не способны испытывать пылкой страсти, стесняются интимных переживаний. У них применяется коллективное воспитание детей, досуг однообразен, практически нет искусства.

В последней части Свифт отходит от тона беспристрастного повествователя и комментатора и выражает в пылких монологах горькое разочарование в человечестве с его склонностью направлять данный ему от природы разум против себя самого, вместо того чтобы самосовершенствоваться.

Так, еще фактически в начале просветительского движения Свифт отразил его неявные пороки. Для этого были свои философские причины. Господствующий в эту эпоху английский эмпиризм, отбросив метафизику барокко, лишил себя принципиальной возможности философски разрабатывать идеальные понятия, а фиксируя разум на конечном, — возможности продуктивно искать смысл жизни в бесконечности человеческого разума, деятельности. (Тут лежат истоки философского скептицизма Д. Юма, известного философа эпохи.) Философия стала в известной мере заложницей политики с ее культом мгновенного успеха. Мировоззренческий эмпиризм Свифта, отягощенный драматическими перипетиями личной жизни, логически привел его к трагическому разочарованию в человеческой природе, проявления которой он видел только в повседневном, будничном, земном, наконец — в низком. «...мы являемся особенной породой животных, наделенных благодаря какой-то непонятной для него случайности крохотной частицей разума, каковым мы пользуемся лишь для усугубления прирожденных нам пороков и для приобретения новых, от природы нам не свойственных, — писал Свифт в «Гулливере». — Заглушив в себе многие дарования, которыми наделила нас она, мы необыкновенно искусны по части умножения наших первоначальных потребностей и, по-видимому, проводим всю свою жизнь в суетных стараниях удовлетворить их при помощи изобретенных нами средств».

Свифт писал в драматическую эпоху политического безвременья, когда политические интриги создавали иллюзию политического развития монархии, но на самом деле судьба страны определялась

скрытой, но с размахом поставленной работой нового класса буржуа-предпринимателей, беззастенчиво эксплуатировавших разум на службе денег. Свифт сполна заплатил тяжелую дань политического честолобия своему времени. Результатом стал глубокий пессимизм писателя, отразившийся в «Путешествии Гулливера».

Значение Свифта велико не только для английской, но и для всей европейской литературы. Он — из тех мыслителей, которые стремятся поставить широкие философские вопросы человеческого существования, человеческой природы, жизненного назначения человека, смысла его жизни, самораскрытия личности.

Борис Шалагинов